

ЛАТИНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО И АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПИСЬМЕННОГО НАСЛЕДИЯ ВКЛ

*Сигитас Нарбутас, доктор филологических наук, профессор,
заведующий отделом античной литературы Института литовской литературы и фольклора (Вильнюс)*

Мы являемся свидетелями значительных изменений в сфере культуры, самосознания и самовыражения. Двадцать пять лет назад все выглядело совершенно иначе. Если говорить о Литве, то в ее гуманитарном академическом пространстве доминировала литуаноцентрическая модель культуры, на нее опиралось самосознание и самовыражение большей части общества. В свое время большое влияние на изменение литуаноцентрической модели оказал труд Инге Лукшайте и Юозаса Юргиниса [1], обобщивший работы предшественников и, главное, показавший перспективу для более широкой, глубокой и точной характеристики многоконфессиональной, многонациональной и многоязычной культуры ВКЛ. Благодаря этому и другим исследованиям в Литве сложилась благоприятная ситуация для появления научных работ (о них чуть ниже), пытающихся оценить и представить письменное наследие ВКЛ как многочленное образование. О нем и месте латинской письменности в этом многоликом культурном пространстве древней Литвы, а также о проблемах, которые в настоящее время выдвигают гуманитарии нескольких стран, и пойдет речь в данной статье.

Значительную группу до сих пор составляют теоретические исследования или работы прикладного характера, авторы которых преследуют цель охарактеризовать письменность древней Литвы с точки зрения государства или государственности. Капитальный свод Алодии Кавецкой-Грычовой [2] содержит не только ценный материал для современных исследователей древней письменности, но и демонстрирует возможности, открывающиеся при использовании такого научного концепта. В этом каталоге не отдается предпочтение какой-либо одной части печатной продукции ВКЛ, выделенной из совокупности артефактов на основе языка, религии, рода, жанра или какого-либо другого признака. Зная сегодняшнее состояние исследований, видимо, можно утверждать, что такой – “энциклопедический” – путь обобщения письменного наследия ВКЛ в настоящее время представляется наибольшим подходящим для исчерпывающего и более или менее адекватного его представления. Кроме того, при обращении к опыту подобных исследований в родственных гуманитарных и социальных науках оказалось, что такой подход мож-

но назвать и достаточно современным [3].

Письменное наследие ВКЛ можно охарактеризовать не только с точки зрения государственности, но и по другим параметрам, например, с точки зрения языка, религии, рода, жанра и др. Работы такого плана постоянно публикуются в разных местах. Лядя на некоторые из них с «высоты» каталога А. Кавецкой-Грычовой, можем заметить не только положительные стороны этих исследований и их вклад в расширение наших представлений о письменном наследии ВКЛ. Одновременно эти работы выявляют слабо изученные стороны письменности, а также заставляют вновь возвращаться к дискуссионным вопросам.

Если остановиться на последних, то увидим, что спорными оказываются взгляды различных ученых даже на самые важные (ключевые) определения, термины и понятия изучаемого объекта. К таким положениям, безусловно, относится определение древней Литвы: одни рассматривают ее вместе с Пруссией (литовские исследователи часто называют ее Малой Литвой), другие – без нее; некоторые в состав древней Литвы включают Ливонию, большинство считают Ливонию отдельным образованием; для одних ВКЛ – это прежде всего территория, населенная этническими литовцами, для других – это многонациональное государство, управляемое этнополитической «литовской» знатью. Также неоднозначно понимается и Великое княжество: для одних это государство, некогда созданное племенами восточных балтов, для других – это государственное образование, сформировавшееся на балто-славянском пограничье как продолжение традиций государственности Киевской Руси и наследница культуры восточнославянских княжеств, для третьих – это, в первую очередь, продукт польской политической, религиозной и культурной деятельности. Подобных различно трактуемых понятий можно указать значительно больше, однако их поиск и обсуждение не является целью настоящей работы. Тем не менее перечисление основных проблемных вопросов кажется целесообразным, поскольку они создают те условия, которые оказывают и, видимо, какое-то время еще будут оказывать заметное влияние на исследование латинской письменности и другие проявления латинской (литовской, русской [4] и др.) культуры в древней Литве, а также на оценку результатов этих исследований.

Что касается древней Литвы, то, по нашему мнению, не интерпретация какого-либо одного памятника письменности, а вся совокупность данных языка, археологии, историографии, антропологии и других областей знания позволяет бесспорно связывать истоки ВКЛ с племенами восточных балтов, живших в низовьях Нерис и бассейне среднего течения Немана. Поэтому нет ничего удивительного в том, что балтийское происхождение ВКЛ до сих пор заставляет некоторых литовских ученых сосредоточиться на изучении развития социолингвистически определяемой литовской (иногда вместе с исчезнувшей в XVII в. прусской) письменности, начиная с эпохи

Средневековья вплоть до Нового времени. Данный подход положен в основу последней оригинальной истории книги, опубликованной в Литве [5]; это же положение, хотя и в значительно расширенном виде, обнаруживается в новейшей истории древней литовской письменности, написанной двумя известными литовскими исследователями [6].

Само собой разумеется, балтийская доминанта во взглядах на генезис литовской государственности не обязывает всех ученых, изучающих письменное наследие ВКЛ, принимать только эту точку зрения. Некоторые литовские и большинство белорусских исследователей значительно больше внимания уделяют русской части этого наследия. Великое княжество в этих работах рассматривается как производное восточнославянской государственности, русской культуры, православной церкви, нескольких славянских языков, используемых как для нужд этой церкви, так и в канцелярии великих и удельных князей. Такие соображения возникают при знакомстве с белорусскими исследованиями, опубликованными в течение последних 10–15 лет. Отметим некоторые из них. Николай Николаев в “Палаце кнігапіснай” [7] помещает подробный обзор развития рукописной русской книги, представляет сохранившиеся до наших дней памятники рукописной русской культуры и ее авторов, определяет жанровые, художественные и другие особенности сохранившихся артефактов, знакомит с историей их изучения. В истории письменной культуры ВКЛ автор выделяет два периода – “долитовский период” и время существования ВКЛ, при этом второму периоду он уделяет значительно больше места и внимания, а репертуар представляемой письменности ограничивает центрами русской культуры и анализом созданных в них памятников. Судя по более поздним работам [8], ранний период развития письменной культуры ВКЛ Н. Николаев рассматривает лишь как продолжение традиций Киевской Руси.

С данным положением можно согласиться, однако необходимо отметить, что такой подход верен только для русскоязычной части культуры ВКЛ – он не отражает всей сложности структуры письменной культуры Княжества. Здесь нам представляется целесообразным отметить, что как этот, так и любой другой односторонний (моногенный, монолингвистический, моноконфессиональный, монокультурный) подход к оценке письменности ВКЛ заранее обречен на достижение частичных результатов, частичной истины о культурном наследии ВКЛ. Кстати, понимая это, некоторые белорусские ученые в последние годы опубликовали обзоры письменности ВКЛ, в которых русская литературная традиция дополнена латинскими, польскими и литовскими артефактами. Так, например, совсем недавно в нескольких статьях, опубликованных в уже упоминавшейся энциклопедии, посвященной Великому княжеству Литовскому [9], письменное наследие ВКЛ было расширено за счет литовского, латышского, украинского, немецкого, татарского и караимского мате-

риала. Хотя приложение к символическим явлениям многоязычной письменности ВКЛ в этом бесспорно ценном издании все еще невелико, тем не менее, важным шагом вперед следует считать общее направление мышления коллег, нацеленность их исследований, которые с течением времени приведут к более полному, синкретическому описанию интересующей нас многоязычной литературы. Надо думать, что такое представление будет создано, но это случится тогда, когда будут собраны, оценены и обобщены данные не только о русской, польской, литовской, латышской, немецкой, еврейской, караимской, но и латинской части наследия ВКЛ. Исследования последней, по нашему мнению, являются особенно значимыми не только при характеристике письменности ВКЛ как определенного общественного явления, но и при стремлении точнее и глубже оценить первые памятники, созданные на национальных языках.

Своеобразие латинской письменности ВКЛ, ее огромная ценность и значение *per se ipsam* не вызывает сомнений. Очевидно, что ее своеобразию можно будет по достоинству оценить лишь при учете всех более или менее значительных параметров книжной культуры ВКЛ и на фоне всего письменного наследия, созданного не только на латинском, но и других языках, использовавшихся в Княжестве. На наш взгляд, дальнейшее исследование литовской, польской или русской литературы невозможно без латинской письменности, и, наоборот, изучение латинской литературы немислимо без дальнейшего анализа литовской, польской, белорусской, украинской и других литератур.

В последние годы в области неолатинистики особенно много и плодотворно работает профессор Вильнюсского университета Евгения Ульчинайте. С ее работами связана сама постановка данной проблемы не только в узко региональном, но и международном масштабе. Исследовательница в обзорах и специальных статьях, опубликованных за рубежом, не только констатирует наличие письменных памятников на латинском языке в Литве, но и обсуждает их жанровые, художественные, идейные и другие особенности. Она обращает внимание на то, что письменность созданного литовцами государства начинается именно с латинских текстов: княжеских жалованных грамот, писем и др. официальных актов, выражавших, кроме всего прочего, ясное государственное самосознание пишущих [10]. Характеризуя древнюю письменность, Е. Ульчинайте подчеркивает ее многоязычность (в письменных и литературных целях использовалось по меньшей мере шесть языков) и поликонфессиональность (большинство авторов принадлежало не одному, а различным христианским вероучениям), а также ее разнообразный жанровый состав и выражение [11].

Немало тем, которые профессор Е. Ульчинайте в разное время только наметила, но не исследовала подробно, позже были разработаны ее учениками. Развитие латинской погребальной поэзии представила Раса Юргеленайте [12], малым жанрам латинской поэзии

посвящена монография Ягле Патеюнене [13], историю латинского эпиграмматического раскрытия Скимманте Шаркаускаене [14], историю латинской книги XV–XVII вв. с точки зрения книговедения исследовала и обобщила Дайва Нарбутене [15].

В последней работе находим некоторые важные характеристики латинской литературы ВКЛ, определяющие ее не только в количественном, но и качественном и аксиологическом отношении. Как и Е. Ульчинайте, Д. Нарбутене связывает начало использования латинского языка в Княжестве с образованием государства и крещением великого князя в середине XIII в. (жалованная грамота Миндовга ливонским купцам, написанная на латыни, датируется 25. III. 1253 – 24. III. 1254 [16]), с действием основанных в Литве в это же время доминиканских, францисканских, а позже и др. католических монастырей [17], с работой сформировавшейся во времена Витовта великокняжеской канцелярии, основанием в 1388 г. Вильнюсской (в 1400 г. – Луцкой, в 1405 г. – учрежденной Ягайлой Киевской, в 1417 г. – Жемайтской (Жмудской)) епархии, а также с восстановлением в 1400 г. по распоряжению короля Ягайлы Краковского университета, в котором, кроме всего прочего, должны были готовиться священнослужители для только что принявшего христианство Княжества, наконец, распространение знания латинского языка связано с обучением литовцев в зарубежных университетах и др. Такой взгляд на происхождение латинской письменности объясняет, почему в Литве сравнительно быстро было оценено значение печатного слова (первая известная книга на латинском языке – *Agenda*, подготовленная в Литве в первые годы правления Великого князя Александра, была напечатана в двух вариантах в Гданьске вильнюсским каноником Мартином Радомским в 1499 г.). Вторая волна Реформации дала первую известную латинскую книгу, напечатанную на территории ВКЛ, – это сочинение Гжегожа Павла Бжезинского (*Grzegorz Pawel Brzeziński Antidotum contra articulos fidei novae*, изданное в 1564 г. в Несвиже. Вообще, по данным Д. Нарбутене, всего в XV–XVII вв. было издано 1549 латинских книг, из них 1085 – в типографиях, действовавших на территории ВКЛ, 360 – за пределами княжества, место издания оставшихся 104 книг установить не удалось [18]. Это впечатляющие цифры, свидетельствующие о масштабе и значении латиноязычной письменности ВКЛ.

Ценные наблюдения для исследования данного феномена обнаруживаем в работах профессора Ежи Аксера, изучающего латиноязычное наследие Польши и Средней Европы вообще. Оценивая неолатинистику как пространство для творческого интердисциплинарного изучения, исследователь совершенно справедливо говорит о том, что сегодня полоцентрическая (добавим от себя: рутено- и литуаноцентрическая) оценка культурного наследия Речи Посполитой является непродуктивной и анахронической [19]. Региональные неолатинские исследования смогут показать общие черты элиты разных государств, использовавшей латынь, а также охарактери-

зывать саму латынь как интегрирующий, так и дезинтегрирующий фактор не только в регионе, но и на всем континенте в синхронном и диахроническом аспекте [20]. Все это – мысли, провоцирующие к продуктивному и творческому диалогу. Кроме того, они побуждают нас рассуждать о нескольких важнейших параметрах (измерениях) письменности ВКЛ, искать такую ее модель, которая позволила бы в полной мере понять памятники многоязычного и поликонфессионального культурного наследия и, наконец, привела бы к большей исследовательской проницательности в изучении всего письменного наследия ВКЛ. В данном проблемном поле сегодня, пожалуй, уже можно обсуждать и значение латинской письменности в культурном наследии ВКЛ.

Как уже указывалось, предшествующие исследователи называли важнейшие черты письменности ВКЛ. Они характеризуют ее как многоконфессиональную, многоязычную и многожанровую. Важнейшей причиной такого калейдоскопического разнообразия считается специфика культурного пространства: эта письменность создавалась на стыке [21] двух цивилизаций, чаще всего определяемых как *Slavia Latina* или *Romana* и *Slavia Graeca* или *Orthodoxa*. Важной движущей силой этого пестрого культурного пространства считается усиливающее гражданское самосознание авторов; причем следует отметить, что подобные “заслуги” зачастую приписываются какой-нибудь одной религии или политической, общественной или традиционной культурной среде.

Какое решение можно предложить в настоящее время? Какие теоретические положения нужно проверить в первую очередь, вооружившись настоящим уровнем знаний и имеющейся фактологией? Понятно, что начиная с XVIII в. для характеристики письменности ВКЛ использовались разные модели. Вплоть до сегодняшнего дня их определяет и, видимо, некоторое время еще будет определять количество имеющихся данных и общий уровень исследований в тех государствах, в которых по большей части и изучается письменное наследие ВКЛ. Как уже указывалось, если из общей сокровищницы письменности ВКЛ выделить памятники на славянских языках, то письменную культуру княжества можно представить как русскую или польскую; если же на первое место поставить латино- или литовскоязычное наследие, то ее можно охарактеризовать как письменность “с латинской” или “литовской” доминантой. Здесь следует назвать и еще одно важное с нашей точки зрения обстоятельство. Принимая во внимание все время существования ВКЛ, заметим, что каждое определение подходит не для всего конгломерата культуры ВКЛ за все время существования этого государства, а только для какого-либо одного периода развития культуры. По этой причине нам кажется целесообразным рассматривать культуру ВКЛ как некоторую многовековую систему, медленно изменяющуюся в цивилизационном отношении [22]. В один период наблюдается более сильное проявление какого-либо одного языка, религии и т. п.; спустя неко-

торое время облик доминировавшей культуры сменяется другими формами, зачатки которых в виде нереализованных возможностей лежали в недрах более ранней системы, тогда как доминировавшие формы в пространстве новой культурной конъюнктуры постепенно сами превращаются в возможности, которые впоследствии опять могут проявиться с еще большей силой, если, конечно же, для этого сложатся “благоприятные” условия. Применение “динамической” модели письменности с изменяющимися величинами (слагаемыми), по нашему мнению, позволит избежать не только ограниченных, но и политизированных оценок культурного наследия ВКЛ.

Тем не менее многие ученые, обсуждая связь латинской письменности с национальной культурой, чаще всего говорят о бинарном характере этой культуры на начальном этапе ее существования. На наш взгляд, причина этому кроется в “привычном” взгляде многих исследователей на средневековую Европу и Европу более позднего времени как на некое бинарное образование. Истоки этого взгляда хорошо известны: о бинарной природе европейской культуры эпохи средневековья и нового времени достаточно много и исчерпывающе писал Эрнст Роберт Курциус (1886?1950) в работе *Europäische Literatur und lateinisches Mittelalter* (первое изд. 1948). В Польше подобные исходные позиции разделяет уже упоминавшийся профессор Е. Аксер: по его мнению, культура I Республики (имеется в виду Речь Посполитая) является бинарной, состоящей из польской и латинской частей [23].

Использование бинарной модели при характеристике письменности ВКЛ вполне допустимо, однако возникает вопрос, позволяет ли она точнее, глубже и шире, чем это сделано до сих пор, определить сложные проявления письменности государства, существовавшего на пограничье Западной и Восточной культуры? Не целесообразнее ли использовать не бинарную, а многочленную (в случае письменного наследия ВКЛ – четырехчленную) модель культуры и письменности?

Такие вопросы возникают в последние годы при обсуждении различных аспектов письменного наследия ВКЛ. Так, в свете бинарной модели едва ли можно исчерпывающе объяснить содержание, а также дальнейшее развитие и распространение легенды о римском происхождении литовской знати. Впервые она упоминается в русскоязычном Пространном своде литовских летописей, автором которого, судя по используемым в тексте летописи литовским именам и литовским этимологиям, мог быть человек или литовского происхождения, или, по крайней мере, хорошо знающий литовский язык и традиционную литовскую культуру [24] – как бы там ни было, со стопроцентной уверенностью можем утверждать, что это был гражданин Литвы в понимании того времени. Для создания легенды использованы не только труды римских авторов и средневековых историографов, писавших на латыни, но и сочинения польских авторов [25]. Исследования последних лет показывают, что политические и

культурные аспирации автора или авторов этого текста основаны на стремлении подчеркнуть автономное, даже независимое, развитие литовского государства как в прошлом, так и будущем в период идеологического соперничества с краковскими и московскими политиками [26]. Иными словами, этот артефакт создал литовец, обладавший западными интенциями; для этой цели он воспользовался польскими и латинскими образцами, а саму идею (концепцию) изложил на одном из использовавшихся в Литве в то время письменных языков – по русски. Данный – четырехчленный – характер этого артефакта позволяет, по крайней мере, мне лучше всего понять, почему эта и другие легенды Пространного свода позже легко проникают не только в русские, но и латинские, польские, литовские, добавим, белорусские и украинские тексты XVI–XIX вв.: их распространению способствовали не столько внешние обстоятельства, сколько внутренние свойства данного артефакта.

Обсуждение четырехчленной модели является достаточно сложным, оно может стать объектом самостоятельного исследования. Я не думаю, что в данном случае можно обойтись только силами специалистов по классической филологии или же исключительно усилиями полонистов, литуанистов, украинистов или белорусистов. На помощь необходимо пригласить историков, теоретиков культуры, политологов, возможно, специалистов других областей, которые на достаточном теоретическом уровне смогут обобщить имеющиеся исследования в этой междисциплинарной области. И все же обсуждать латиноязычную письменность ВКЛ и породившую ее часть культуры средневековой Европы, традиционно называемую *Latinitas*, в свете многогранной модели культуры ВКЛ, очевидно, мы можем уже сейчас, используя тот опыт, который накопили культурологи, литературоведы и исследователи европейского письменного наследия.

Таким образом, стараясь не упускать из виду четырехчленную модель культуры ВКЛ, попытаемся прежде всего определить, что мы понимаем под термином *Latinitas*. Он может рассматриваться не только как простая сумма латинского языка и созданных на нем памятников. Мы предлагаем под *Latinitas* понимать некую самостоятельно действовавшую и все еще действующую матрицу европейской культуры, которая при помощи определенных языковых, жанровых и некоторых других качественных кодов, а также ментальной и практической деятельности создавала и создает унифицированное аксиологическое пространство для проявления (самовыражения) отдельных индивидов и сообществ. Ее необходимо понять как некоторую совокупность, взаимодействовавшую с другими составными “культурными совокупностями” ВКЛ (русско-греческой, польской, являвшуюся проводником (каналом) модернистической культурной информации, и литовской, рассматриваемой как сумма кодов традиционного – “языческого” – самовыражения).

Таким образом, стремясь охарактеризовать письменное наследие

Литвы, созданное на каком-либо одном языке, мы должны избрать и какой-либо более стабильный аспект, позволяющий яснее, точнее, последовательнее охватить проявления этого наследия за все время существования ВКЛ как государства. По нашему мнению, для изучения латинской письменности и *Latinitas* ВКЛ в качестве такой константы (постоянной) может служить упоминавшаяся выше идея государства и государственности и вытекающая отсюда идея гражданства и гражданственности. Они выражались не только в наиболее важных и значительных памятниках юридической мысли (Литовские Статуты 1529, 1566 и 1588 гг.), но и в большом количестве великокняжеских жалованных грамот “достатутного” периода, других актах подобного назначения, а также в различной полемической, научной, художественной и другой литературе политического и религиозного содержания [27]. Анализ этих памятников письменности показывает, что литовское государство, по крайней мере, со второй половины XVI в. понималось как “свободная и уважающая законы Республика”, как “сообщество граждан, объединенное единой истинной, единым государем и едиными ценностями и стремящееся к общему благу” [28]. Истоки этой идеологии историк литературы Дарюс Куолис обнаруживает еще во времена Витовта, а ее проявления фиксирует в письменных памятниках, созданных вплоть до третьего раздела Речи Посполитой и даже позже. В свете указанных установок кажется перспективным использовать идею гражданственности в различных исследованиях древней письменности. Кстати, однажды была попытка применить ее на практике: как уже отмечалось, на основании понятия гражданства производился отбор авторов и произведений для двух каталогов латинской книги Литвы XV–XVII вв.

Само собой разумеется, идеи государственности и гражданственности в подобных исследованиях могут считаться основными, однако отнюдь не единственно возможными. Причины для такого заключения следующие. Выдвигая на первое место формально понимаемый латинский язык и созданную на этом языке письменность, мы отгораживаемся от бережно сохранявшегося и развивавшегося письменного наследия древней Литвы на других языках такой стеной, которая значительно уменьшит поле зрения исследователей. Выделяя католическую и/или протестантскую религию, мы исключаем православную, а также незначительную мусульманскую и еврейскую религиозную и светскую письменность. Оценивая латинскую (литовскую и т.д.) письменность, в первую очередь, как элитарное или институциональное явление, с трудом сможем охватить имевшие место в некоторых политических и культурных кругах различные “доинституциональные”, “доэлитарные” (в понимании “более модернистической” культуры Запада или Востока) проявления, которые по мере усвоения этими кругами элитарных форм другой культуры постепенно уходили из прежнего более широкого употребления и превращались в маргинальные явления, т.е. оказывались в хранили-

ще неиспользуемых культурных выражений. При благоприятных условиях к этому хранилищу всегда можно вернуться и использовать всю имеющуюся там архаику, придав ей новое содержание, значение и смысл.

Отмечая более широкий институционный, религиозный и культурный статус латинского языка и латинской письменности, мы должны указать, что латинская письменность ВКЛ сначала была посредником, проводником, передававшим творческую энергию литовским авторам, а позже способствовавшая тому, чтобы они посредством не только латыни, но и литовского, а также польского, русского и некоторых других языков, использовавшихся в ВКЛ в письменных целях, влились в сообщество творцов. Это был долгий процесс со многими неизвестными, поскольку он до сих пор практически не исследован с указанной точки зрения. Опираясь на общее представление развития латинской культуры, можно утверждать, что литовская культура, основанная на латинском письме и латинской письменности, должна была пройти тот же путь, что и в соседних странах.

Учитывая работы Э.Р. Курциуса и других исследователей, изучавших феномен европейского *Latinitas*, в качестве рабочей гипотезы хотим предложить утверждение, что у истоков пути, который в свое время прошло литовское государство, не только усваивая, но впоследствии и развивая латинскую культуру, – как ни странно это может показаться тем историкам культуры, которые считают ВКЛ наследницей традиций Киевской Руси, – стоял латинский язык, который доминировал среди других языков, использовавшихся в письменных целях. Затем началось усиление последних, которое в один момент привело к перемещению “энергетического” центра из *Latinitas* в пространство других языков, а в дальнейшем – их распространение, тогда как латинский язык и латинская письменность все еще сохранялись как источник культурных инноваций. Исходя из этого, гипотетически можем наметить следующие этапы развития *Latinitas* в предложенной четырехчленной системе культуры ВКЛ. С точки зрения государства можно говорить о латинской письменности:

- а) как культурной доминанте (XIII–XV вв.);
- б) как свидетеле культурного взаимодействия (первая половина XVI в.);
- в) как усвоенном пространстве для различных творческих проявлений (вторая половина XVI в.); и, наконец,
- г) о распространении латинской письменности на восток от Вильнюса (конец XVI–XVIII вв.).

Одновременно отметим, что перемещение упоминавшегося выше “энергетического” центра с латыни на другие языки ВКЛ, на наш взгляд, начинается в том же XVI в.

Соединяя *Latinitas* и государство, мы обнаружим ценные памятники письменности, появившиеся значительно раньше, чем артефакты, созданные на “национальных” языках. В связи с этим следует

упомануть письма Гедимина и Витовта, произведения ораторской прозы, историографическую и юридическую литературу, малые и крупные жанры поэзии, созданные Эразмом Цёлеком, Николаем Гусовским, Петром Розином, Ионасом Радваном, Альбертом Виюком-Кояловичем и многими другими авторами, известными в Центральной и Восточной Европе.

И все же в настоящее время даже перечисление этих имен, характеризующих феномен литовского *Latinitas*, не кажется таким важным и значительным, как это было двадцать и более лет назад. О распространении моделей письменной культуры с позиций *Latinitas* сегодня должны свидетельствовать исследования истории рукописной книги Литвы в XIII–XV вв. и средневековой письменности. Здесь особенно не хватает не только обобщающих трудов, но и работ, посвященных отдельным авторам или артефактам древней письменности (рукописям, библиотекам, скрипториям и т.п.). Пространство для этих исследований все еще открыто. Кстати, это относится и к *Latinitas* Литвы в XVIII–XIX вв.

Е. Аксер во введении к неоднократно упоминавшемуся сборнику статей выразил надежду, что публикуемые в нем работы об элитарном характере *Latinitas* заинтересуют не только узкий круг специалистов, но и более широкие слои ученых и студентов. По его мнению, в книге поднято много важных вопросов и выдвинуто немало гипотез, которые в будущем могут стать основой самостоятельных исследований [29]. Наши скромные рассуждения о *Latinitas* и развитии письменной культуры ВКЛ, а также облике этой письменности заставляют дополнить *omina* профессора Е. Аксера о будущих разысканиях в этой области определенным аксиологическим измерением: коммуникационная открытость *Latinitas*, его тематическое разнообразие, сопровождаемое видовой, жанровой и другой формальной стабильностью, проявлялись и действовали в культурном пространстве ВКЛ по определенным, до сих пор мало исследованным законам. Последние, возможно, характеризуются таким уровнем универсализма, что их познание сможет обогатить наших современников, которые сегодня на тех же европейских пространствах создают стратегии современной культуры.

Примечания

1. Jurginis J. Lietuvos kultūros istorijos bruožai : (Feodalizmo epocha. Iki aštuonioliktojo amžiaus) / Juozas Jurginis, Ingė Lukšaitė. – Vilnius : Mokslas, 1981.

2. Kawecka-Gryczowa A. Drukarze dawnej Polski od XV do XVIII wieku. Zeszyt 5 : Wielkie Księstwo Litewskie / Kawecka-Gryczowa A., Korotajowa K., Krajewski W. – Wrocław ; Kraków : Ossolineum, 1959. – 270 s.

3. Некоторые теоретики современной истории литературы единственно правильным и перспективным считают создание энциклопедической истории, см., напр.: Perkins D. Is literary history possible? / David Perkins. – Baltimore ; London : The Johns Hopkins University Press, 1993 (1992). – P. 53–60. Это

подтверждается несколькими удачными издательскими проектами, осуществленными в последние годы в Литве и Беларуси. Речь идет о литовском энциклопедическом справочнике Lietuvos Didžiosios Kunigaikštijos kultūra : Tyrinėjimai ir vaizdai (Vilnius : Aidai, 2001) и белорусском издании Вялікае княства Літоўскае (Мн. : Беларус. энцыкл., 2005. Т. 1).

4. Русской здесь и в дальнейшем мы будем называть кириллическую восточнославянскую письменность ВКЛ.

5. Glosienė A. [ir kt.]. Lietuviškoji knyga : Istorijos metmenys : Nuo raštijos atsiradimo Lietuvos Didžiojoje Kunigaikštystėje iki Lietuvos nepriklausomybės atkūrimo 1990 metais / Audronė Glosienė [ir kt.]. – Vilnius : Vilspra, 1996.

6. Ulčainaitė E. Lietuvių literatūros istorija: XIII–XVIII amžius / Eugenija Ulčainaitė, Albinas Jovaišas. – Vilnius : Lietuvių literatūros ir tautosakos institutas, 2003.

7. Нікалаеў М. Палата кнігапісная : рукапісная кніга на Беларусі ў Х–XVIII стагоддзях / Мікола Нікалаеў. – Мн. : Маст. літ., 1993.

8. Например, Нікалаеў М. Да пытання аб храналогіі кніжнай культуры Вялікага княства Літоўскага / Мікола Нікалаеў // Kultura książki ziem wschodniego i południowego pogranicza Polski (XVI–XX wiek) : Paralele i różnice / redakcja naukowa Jolanta Gwoździak i Edward Różycki. – Katowice : Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, 2004. – С. 42.

9. Свяжынскі У. Народы і мовы / Уладзімір Свяжынскі // Вялікае княства Літоўскае : энцыклапедыя : у 2 т. – Мн., 2005. – Т. 1 : Абаленскі–Кадэңцыя. – С. 58–66; Рыбко М. Асвета / Мікалай Рыбко // Ibidem. – С. 120–123; Бразгуноў А. Літаратура / Аляксей Бразгуноў, Вячаслаў Чамярыцкі // Ibidem. – С. 124–129.

10. Ulčainaitė E. Lithuanian national identity and staehood in the Latin literature of the sixteenth–seventeenth centuries / Eugenija Ulčainaitė // Mare Balticum – mare nostrum : Latin in the Countries of the Baltic Sea (1500–1800) : Acts of the Helsinki Colloquium, 16–21 August, 1992 / edited by Outi Merisalo and Raija Sarasti-Wilenius. – Jyväskylä : Gummerus Kirjapaino Oy, 1994. P. 126. – (Suomalaisen Tiedeakatemia Toimituksia ; sarja B, nide 274). Такой же взгляд на начало литовской письменности положен в основу уже упоминавшейся истории литературы, см.: Ulčainaitė E. Lietuvių literatūros istorija: XIII–XVIII amžius / Eugenija Ulčainaitė, Albinas Jovaišas. P. 9 и далее. Такую же точку зрения обнаруживаем и в ее недавней публикации на польском языке: Latinitas jako część litewskiej historii, literatury i kultury // Terminus. – Kraków, 2005. – Roczn. 6, zes. 2, – S. 13–39.

11. Ulčainaitė E. Древняя литовская литература как междисциплинарный объект исследования / Eugenija Ulčainaitė // Istorijos rašymo horizontai / sudarytojai ir redaktoriai Aušra Jurgutienė ir Sigitas Narbutas. – Vilnius : Lietuvių literatūros ir tautosakos institutas, 2005 [! 2004]. – P. 56–57. – (Senoji Lietuvos literatūra ; kn. 18).

12. Jurgelėnaitė R. Lotyniškoji laidotuvių poezija : XVI amžiaus pabaigos Vilniaus akademijos tekstų retorinė analizė / Rasa Jurgelėnaitė. – Vilnius : Lietuvių literatūros ir tautosakos institutas, 1998. – (Senosios literatūros studijos).

13. Patiejūnienė E. Brevitas ornata : Mažosios literatūros formos XVI–XVII amžiaus Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės spaudiniuose / Eglė Patiejūnienė. – Vilnius : Lietuvių literatūros ir tautosakos institutas, 1998. – (Senoji Lietuvos literatūra ; kn. 7).

14. Šarkauskienė S. Lotyniškas XVI–XVII amžiaus epitalamijas / Skirmantė Šarkauskienė. – Kaunas : Naujasis Lankas, 2003.

15. Narbutienė D. Lietuvos Didžiosios Kunigaikštijos lotyniškoji knyga XV–

XVII a. / *Daiva Narbutienė*. – Vilnius : Lietuvių literatūros ir tautosakos institutas, 2004. – (Senosios literatūros studijos). В этой монографии обобщены данные по: XVII a. Lietuvos lotyniškų knygų sąrašas = Index librorum Latinorum Lituaniae saeculi septimi decimi / sudarė Daiva Narbutienė ir Sigitas Narbutas. – Vilnius : Lietuvių literatūros ir tautosakos institutas, 1998. – (Senoji Lietuvos literatūra ; kn. 8); XV–XVI a. Lietuvos lotyniškų knygų sąrašas = Index librorum Latinorum Lituaniae saeculi quinti decimi et sexti decimi / sudarė Daiva Narbutienė ir Sigitas Narbutas. – Vilnius : Lietuvių literatūros ir tautosakos institutas, 2002. – (Senoji Lietuvos literatūra ; kn. 12).

16. Новейшую научную публикацию жалаванной грамоты Миндовга и других древнейших латинских документов см.: *Chartularium Lithuaniae res gestas magni ducis Gedemine illustrans = Gedimino laišakai, tekstus, vertimus bei komentarus parengė S.C. Rowell*. – Vilnius : Vaga, 2003 (текст грамоты с переводом на литовский язык см. на с. 4–5).

17. Много ценной информации о литовских католических монастырях, их библиотеках, скрипториях, а также о создаваемых, переписываемых и читаемых в XV–XIX вв. книгах находим в недавно опубликованной специальной монографии А. Пацявичюса: *Pacevičius A. Vienuolynų bibliotekos Lietuvoje 1795–1864 metais : Dingęs knygų pasaulis / Arvydas Pacevičius*. – Vilnius : Versus aureus, 2005.

18. *Narbutienė D. Lietuvos Didžiosios Kunigaikštijos lotyniškoji knyga XV–XVII a.*, p. 60.

19. *Axer J. Łacina jako język elit. Uwagi wstępne / Jerzy Axer // Łacina jako język / elit, kompilacja i redakcja naukowa Jerzy Axer*. – Warszawa : OBTA : Wydawnictwo DiG, 2004. – S. 9.

20. *Axer J. Sytuacja metodologiczna w badaniach nad źródłami łacińskojęzycznymi okresu nowożytnego / Jerzy Axer // Ibidem*, s. 28.

21. Это определение не считается точным и подходящим к периоду, скажем, от начала крещения славянских государств в IX в. до распада Речи Посполитой и формирования национальных империй на рубеже XVIII–XIX вв. С точки зрения Чехии и Польши этот термин можно использовать для описания культурных процессов в Средней и Восточной Европе в XI–XV вв. Различные факты позволяют утверждать, что в XVI–XVIII вв. данная граница шла широкой полосой через ВКЛ. В это время уже можно говорить о *Lithuania Latina* и *Lithuania Graeca*.

22. Данная установка главным образом использовалась при сборе и публикации материалов по латинской письменности ВКЛ, см.: *Narbutienė D. Įvadas / Daiva Narbutienė, Sigitas Narbutas // XVII a. Lietuvos lotyniškų knygų sąrašas = Index librorum Latinorum Lituaniae saeculi septimi decimi / sudarė Daiva Narbutienė ir Sigitas Narbutas*. – Vilnius : Lietuvių literatūros ir tautosakos institutas, 1998. – P. 9.

23. *Jerzy Axer Latin as a factor in the Polish cultural identity in the period of the First Polish Republic (1500–1800) / Jerzy Axer // Mare Balticum – mare nostrum : Latin in the Countries of the Baltic Sea (1500–1800) : Acts of the Helsinki Colloquium, 16–21 August, 1992 / edited by Outi Merisalo and Raija Sarasti-Wilenius*. – Jyväskylä : Gummerus Kirjapaino Oy, 1994. P. 159–160. – (Suomalaisen Tiedeakatemia Toimituksia ; sarja B, nide 274) и далее.

24. *Mečislovas J. Lietuvos metraščiai / Mečislovas Jučas*. – Vilnius : Vaga, 1968. – P. 11.

25. Подробнее об этом: *Gudmantas K. Lietuvių kilmės iš romėnų teorijos genezė ir ankstyvosios Lietuvos vardo etimologijos / Kęstutis Gudmantas // Literatūros istorija ir jos kūrėjai / sudarytojas ir redaktorius Sigitas Narbutas*.

– Vilnius : Lietuvių literatūros ir tautosakos institutas, 2004. – P. 245–269. – (Senoji Lietuvos literatūra ; kn. 17); Idem. Vėlyvųjų Lietuvos metraščių veikėjai ir jų prototipai: “Romėnai” // Istorijos rašymo horizontai. – P. 113–139; Narbutas S. Lietuvių kilmės iš romėnų legenda kultūrinės integracijos šviesoje / Sigita Narbutas // Literatūros istorija ir jos kūrėjai, p. 286–315.

26. Подробнее об этом: Petrauskas R. Socialiniai ir istoriografiniai lietuvių kilmės iš romėnų teorijos aspektai / Rimvydas Petrauskas // Literatūros istorija ir jos kūrėjai, p. 270–285; Kuolys D. Lietuvos Respublika : Idėjos ištakos / Darius Kuolys // Literatūros tyrimų erdvės : Studijos profesoriaus Juozo Girdzijausko 70-mečiui / sudarytojas ir redaktorius Sigita Narbutas. – Vilnius: Lietuvių literatūros ir tautosakos institutas, 2005. – P. 157–198. – (Senoji Lietuvos literatūra ; kn. 19).

27. Подробнее об этом см.: Kuolys D. Visuomenės raidos projekcijos XVI amžiaus Lietuvos Didžiosios Kunigaikštijos raštijoje / Darius Kuolys // Šešioliktojo amžiaus raštija. – Vilnius : Lietuvių literatūros ir tautosakos institutas ; Pradai, 2000. – P. 9–21. – (Senoji Lietuvos literatūra ; kn. 5); Idem. Lietuvos Respublika: idėjos ištakos // Literatūros tyrimų erdvės, p. 157–198; Idem. Alberto Vijūko-Kojalavičiaus istorinis pasakojimas : Respublikos kūrimas // Vijūkas-Kojalavičius A. Lietuvos istorijos įvairenybės / Albertas Vijūkas-Kojalavičius. – Vilnius : Lietuvių literatūros ir tautosakos institutas, 2004. – D. 2. – P. 368–412. – (Senoji Lietuvos literatūra ; kn. 16). Следует указать и новейшее исследование обобщающего характера по этой теме: Kiaupienė J. «Mes, Lietuva» : Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės bajorija XVI a. (viešasis ir privatusis gyvenimas) / Jūratė Kiaupienė. – Vilnius : Kronta, 2003 (особенно см. С. 120–135, 166–195).

28. Kuolys D. Lietuvos Respublika: idėjos ištakos, p. 157.

29. Axer J. Łacina jako język elit. Uwagi wstępne, s. 14.

Слитовского перевела Надежда Морозова

“МАССОВАЯ ЛИТЕРАТУРА” КАК СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЕ ЯВЛЕНИЕ

Смолик Александр Иванович, доктор культурологи, профессор, заведующий кафедрой истории Беларуси и музееведения Белорусского государственного университета культуры и искусств

К началу XXI в. массовая культура стала не только важнейшим фактором современного социума, но и пространством рефлексии в самых различных областях социогуманитарного знания. В постсоветский период усилился интерес к проблемам массовой культуры в культурологической и социологической мысли. Исследователями признается несомненное “присутствие” массовой культуры в нашем повседневном существовании как весомый фактор формирования ценностных структур социума, как важнейшая область экономической жизни и “культурного производства”. Культурологами массовая культура рассматривается как культурная универсалия, обозначающая одну из обла-